

В. Г. ГРАФСКИЙ

М. А. Бакунин о роли науки в буржуазном обществе и государстве

Политическое учение М. А. Бакунина явилось итогом сложной эволюции, плодом его энергичных исканий и горестных разочарований. В политических взглядах русского революционера причудливо переплелись идеи европейского антирелигиозного просветительства и мелкобуржуазной революционности с идеями русского утопического крестьянского социализма. Анархическая доктрина Бакунина выделялась на фоне идейно-политических течений 60-х годов прошлого столетия двумя характерными чертами: революционно-бунтарским отрицанием сложившихся учреждений властного политического и духовного гнета и проповедью безгосударственного коллективизма на началах равенства и свободы в будущем социалистическом обществе.

Принципиальное непринятие перспективы диктатуры пролетариата и в то же время весьма противоречивая и непоследовательная позиция в вопросе о судьбе властных отношений в будущем обществе справедливости — наиболее уязвимое место в бакунинской концепции безгосударственного социализма. Сильными сторонами его в целом утопической доктрины стали яркие, запоминающиеся разоблачения эксплуатации и всевозможных форм гнета в условиях современного ему общества и государства, критика религиозного мракобесия. Следует иметь в виду, что в такого рода деятельности Бакунин опирался не только на свой собственный опыт революционера и тонкого наблюдателя, но и на богатейшую традицию социально-политической критики, истоки которой уходят в глубь истории эксплуататорских обществ и государств.

Важная тема бакунинской разоблачительной критики — политическое использование специальных научных знаний в условиях классового господства.

Интерес к социальной роли науки по тем или иным причинам сопутствовал Бакунину всю жизнь и превратился в осознанный элемент мировоззрения задолго до оформления его анархистской доктрины. Первоначальное специальное образование Бакунин получил в артиллерийском училище в Петербурге. Затем, после обдуманного разрыва с военной службой и выхода в отставку всего лишь 21 года от роду, он посвящает несколько последующих лет философскому самообразованию. Под влиянием Н. В. Станкевича и его кружка юноша-самоучка впервые серьезно знакомится с классической немецкой философией. Первой его напечатанной работой стал перевод из сочинений Фихте, опубликованный под общим названием «Несколько лекций о призвании ученого» (1836). После Канта и Фихте молодой Бакунин усердно изучает Гегеля, метод и логику которого он усвоил, по оценке Герцена, в совершенстве.

Первой самостоятельной работой Бакунина было предисловие к переводу «Гимназических речей» Гегеля (1838) и затем — неоконченный цикл статей «О философии» (1840). В этот период он сильно увлекается поисками универсальной, всеохватывающей и всеобъясняющей философской системы и находит ее у Гегеля. Впоследствии, оценивая свои философские увлечения конца 30-х годов с позиций зрелого опыта, Бакунин писал: «Кто не жил в то время, тот никогда не поймет, до какой степени было сильно обаяние этой философской системы в тридцатых и сороковых годах. Думали, что вечно искомый абсолют найден и понят и его можно покупать в розницу и оптом в Берлине»*.

Пылкое и самоотверженное увлечение философией, поиск всеобъясняющего знания и страстное желание торжества не приспособленной к обстоятельствам истины сочетались у молодого гегельянца со стремлением к практическому применению своих идей. Уже в статье «О философии» он публицистически остро ставит проблему, к обсуждению которой будет неоднократно возвращаться впоследствии. Проблема эта формулировалась как «разрушение живой связи, соединяющей знание с жизнью», и увязывалась с распространением бэконовского эмпиризма в познании необходимости истины. Эмпиризм, по мнению Бакунина, имел своим непосредственным результатом «раздробление единой и нераздель-

* Бакунин М. А. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1906. С. 159.

ной истины» на особенные, друг для друга внешние и друг к другу «равнодушные участки»*.

Такое раздробление, отмечал Бакунин, было необходимо «для полной и точной разработки обширного поля действительности естественного и духовного мира». При этом, однако, все многообразие его должно было раздробиться на особенные и ограниченные участки, чтобы сделаться доступными подробному исследованию. В итоге одни ограничились исследованием природы и не вмешивались в область духовной жизни, другие же, напротив, избрав область духа, не имели понятия о природе.

Раздробление на этом, к сожалению, не остановилось. «...Как будто не доверяя силам своим, — иронизировал юный гегельянец, — ученые XVII и большей половины XVIII в. старались по возможности раздробить и эти две огромные половины действительного мира: иной предавался исключительно изучению древнего римского права, не подозревая того, что право какого бы то ни было народа понятно только из его истории...»** Таким образом, раздробление развилось до невероятной крайности. Бакунин критикует подобную тенденцию, но критика ведется им главным образом в абстрактно-философских целях. «С одной стороны, оно (раздробление) было весьма полезно, но с другой — оно совершенно разрушило живую связь, соединяющую знание с жизнью, и породило множество странных, ограниченных, педантичных и мертвых ученых, чуждых всему прекрасному и высокому в жизни, недоступных для всеобщих и бесконечных интересов духа, слепых и глухих в отношении к потребностям и движению настоящего времени, влюбленных в мертвую букву, в безжизненные подробности своей специальной науки»***.

Превращение молодого философа-романтика из умеренного в радикального гегельянца и затем в революционного демократа происходит после отъезда Бакунина осенью 1840 года в Германию, в Берлинский университет для продолжения своих занятий науками и прежде всего философией. К этому принципиальному повороту Бакунина влекла и открывшаяся ему в трудах младогегельянцев революционная суть гегелевского учения о диалектике, и необходимость решать «антиномию между мышлением и действительностью». Последнюю он истолковал в духе борьбы во имя «святого дела», в котором, по его собственным предчувствиям, ему предстояла «великая

* Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. Т. 2. М., 1934. С. 321.

** Там же. С. 322.

*** Там же.

будущность». Он энергично нападает на противников «принципа революции» и толкует суть гегелевского учения как «беспощадное отрицание». Вслед за теми гегельянами (А. Руге и др.), которые разоблачали бесплодное, аристократическое и негуманное понимание роли науки, он ополчается против голого теоретизирования и со свойственным ему воодушевлением превозносит «мир действительного дела и действительной жизни». «Бросим все теории в огонь, они портят жизнь», — провозглашает Бакунин в период нового для него поворота в воззрениях на развитие современной социально-философской мысли*.

Со второй половины 40-х годов Бакунин активно включается в славянское освободительное движение, и этот период его идейно-политической эволюции растягивается на два с лишним десятилетия. Проживая некоторое время в Париже на положении политического эмигранта, Бакунин изучает теорию и практику движения сторонников Сен-Симона, Фурье, Луи Блана и Кабэ, устанавливает близкие отношения с Прудоном. В Париже состоялось знакомство с К. Марксом, о чем он позже вспоминал: «Я тогда и понятия не имел о политической экономии, и мой социализм был чисто инстинктивным. Он же, хотя и был моложе меня, уже был атеистом, ученым материалистом и сознательным социалистом <...> мы довольно часто встречались, потому что я очень уважал его за знания и за его страстную и серьезную преданность делу пролетариата <...> Однако между нами никогда не было полной близости <...>»**.

С провозглашением анархического идеала программой освободительной революционной борьбы вопрос о социальной роли науки приобрел новую актуальность. Именно в ходе разработки и пропаганды анархических политических идей особенное значение приобрела и разоблачительная критика политического использования науки в целях поддержания классового гнета и эксплуатации. Однако критика велась Бакуниным с односторонне-нигилистических позиций, что вызвало справедливые нарекания в среде революционеров-демократов, не говоря уже о сторонниках и последователях марксизма.

Привилегированные классы буржуазного общества поддерживаются только благодаря силе государства, а главную силу государства составляет ныне наука — таков главный тезис, который Бакунин проводит в работе «Всестороннее образование» (1869).

* См.: *Стеклов Ю.* Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. Т. 1. М., 1926. С. 127.

** Там же. С. 186.

Что же в этом схематично обрисованном соотношении сил следует принимать за силу науки и о науке ли, собственно, идет речь? «Да, наука, — пишет Бакунин. — Наука правительственная, административная и наука финансовая; наука, учащая стричь народное стадо, не вызывая слишком сильного протеста, и когда оно начинает протестовать, учащая обманывать и разъединять народные массы, держать их всегда в спасительном невежестве, чтобы они никогда не могли, соединившись и помогая друг другу, организовать из себя силу, способную свергнуть государство; наука военная прежде всего, с усовершенствованным оружием и всеми ужасными орудиями разрушения, “творящими чудеса”; наконец, наука изобретателей, создавшая пароходы, железные дороги и телеграфы, которые, служа для военных целей, удесятерят оборонительную и наступательную силу государств; телеграфы, которые превращая каждое правительство в сторукое и тысячерукое чудовище, дают им возможность быть вездесущим, всезнающим, всемогущим — все это создает самую чудовищную политическую централизацию, какая только существовала в мире»*.

При всей определенности позиции Бакунина в вопросе о политическом характере использования науки в буржуазном обществе и государстве значительная трудность возникает с передачей смысла самого термина «наука». Дело в том, что наука как таковая находится у Бакунина под сильнейшим подозрением. Во-первых, потому, что она составляет «главную силу» буржуазного государства, а государство есть учреждение насилия, пособник эксплуатирующих классов и вместе с религией образует наипервейшее препятствие делу социальной революции в ее анархистском понимании. Во-вторых, выражения типа «правительственная наука» или «наука, учащая обманывать и разъединять народные массы» подразумевают некую наработанную веками классового господства политическую технику, некую пропагандистскую и техническую умелость, относящуюся к управлению делами классово антагонистического общества и государства. Выражение «правительственная наука» подразумевает в данном случае не только удаленность науки от управляемого и ограбляемого народа, но и агрессивную враждебность ее по отношению к народу.

В своем отрицании науки Бакунин доходит до мысли о том, что пока анархическая революция не совершилась, наука для народа не представляет большой ценности и просто ему не нужна. «<...> Как ни огромно значение науки в послереволюционном будущем для

* Бакунин М. А. Избр. соч. Т. 4. М.; Пг., 1922. С. 47.

народа, в настоящее время, т. е. до той революции, которая должна поставить его на ноги и дать ему действительную возможность учиться, она решительно для него не имеет ни малейшего смысла, просто для него недоступна и ему не нужна <...>»*.

Недоверие к науке проявлялось у Бакунина еще в связи с тем, что наука и ученые, по его мнению, никак не могут при существующей их организации выйти из области отвлеченностей и стать ближе к жизни, а также к индивидуальности человека. Наука, считал Бакунин, лишь понимает мысль о действительности, но не самую действительность, она понимает мысль о жизни, но не самую жизнь. Наука — это компас жизни, но это не есть жизнь. Наука безлична, обща, отвлеченна, нечувствительна подобно законам, коих она есть идеальное, умственное отражение. Наука так же мало способна схватить индивидуальность человека, как и индивидуальность кролика. «В своей нынешней организации монополисты науки, ученые, оставаясь в качестве таковых вне общественной жизни, образуют, несомненно, особую касту, имеющую много сходного с кастой священников, — заявил Бакунин в работе “Кнуто-Германская империя и социальная революция” (1871), — научная отвлеченность есть их Бог, живые и реальные индивидуальности — жертвы, а они сами — патентованные и посвященные жрецы»**.

Недоверие к науке вообще и противопоставление занятию науками революционного дела нашло отчетливое отражение в пропагандистских публикациях Бакунина и его единомышленников во второй половине 60-х годов. В работе «Наука и насущное революционное дело» (1869) Бакунин набрасывается на книжный либерализм образованных российских дворян, а несколько ранее в статье «Наука и народ» высмеивает приверженцев контовского «наукословия», называя их попами науки. «Объективное учение продолжает и ныне развращать большую часть нашего образованного молодого дворянства. Сущность его осталась та же: изменились только научные оттенки и терминология. В мое время все объяснялось, по Гегелю, самопроявлением или самоосуществлением объективного разума; ныне, по Контю, неотвратимым сцеплением или следованием естественных и социологических фактов. Как в той, так и в другой системе, по-видимому, нет места для личного дела. И та, и другая служат превосходным предлогом для людей, боящихся дела»***.

* Бакунин М. А. Наука и насущное революционное дело. Женева, 1870. С. 4.

** Бакунин М. А. Избр. соч. Т. 2. М.; Пг., 1922. С. 174 и 172.

*** Бакунин М. А. Наука и насущное революционное дело. С. 32.

Резкую и достойную отповедь подобным нападкам на науку дал Герцен в письмах-статьях «К старому товарищу» (1869), получивших впоследствии высокую оценку В. И. Ленина. Призывы «оставить науку и идти на какой-то бессмысленный бой разрушения» Герцен расценил как неистовую демагогию и к тому же вредную. Само противопоставление «науки для науки» и «науки только как пользы» он признал несостоятельным и неправильным. «Без науки научной — не было бы науки прикладной. Наука — сила, она раскрывает отношения вещей, их законы взаимодействия, и ей до употребления нет дела. Если наука в руках правительства и капитала — так, как в их руках войска, суд, управление, то это не ее вина», — так Герцен возражал против анархического отказа от науки и добавлял: «Механика равно служит для постройки железных дорог и всяких пушек и мониторов. Нельзя же остановить ум, основываясь на том, что большинство не понимает, а меньшинство злоупотребляет»*.

Бакунин, в противоположность Герцену, полностью отрицал возможность преемственного развития науки в будущем освобожденном обществе. «Не хлопчите о науке, во имя которой хотели бы все связать и обессилить, — провозгласил Бакунин в брошюре “Постановка революционного вопроса” (1869). — Эта наука должна погибнуть вместе с миром, которого она есть выражение. Наука же новая и живая несомненно народится потом, после народной победы, из освобожденной жизни народа»**.

Политической программе Бакунина была присуща вера в скорую окончательную революцию, которая разом покончит с ненавистным многовековым игом порабощения и эксплуатации, довлеющим над рабочими массами. Ее важнейшим условием будет разрушение в корне буржуазной эксплуатации и основанной на ней буржуазной цивилизации, а это значило, по терминологии Бакунина, «торжество социальной революции, сокрушение всего, что называется государством»***. Характерно также, что революция мыслилась Бакуниным исключительно в терминах войны, и потому наступление анархического благоденствия предполагалось лишь в конце кровавой людской междоусобицы, последнего боя разрушения. «Революция — не детская игра, не академические дебаты, где наносятся смертельные удары лишь тщеславию, и не литературное состязание, где проливаются лишь чернила.

* Герцен А. И. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Т. XX. Кн. 2. М., 1960. С. 592.

** Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 468.

*** Бакунин М. А. Избр. соч. Т. 1. С. 79.

Революция, это — война, а когда идет война, происходит разрушение людей и вещей»*.

Сведение революции к разнузданию мятежных страстей, например в русском крестьянстве, и всецелому разрушению исторически сложившегося общественного порядка выглядит с точки зрения диалектически и материалистически понимаемого опыта истории путаной, глубоко порочной и ничего общего с подлинной социалистической революционностью не имеющей идей. В анархической доктрине революции Бакунина больше анархического нетерпения, нежели теоретической и трезво-практической продуманности. На это обстоятельство Бакунину неоднократно указывали близко знавшие его Герцен и Огарев. «Государство, церковь, войско отрицаются точно так же логически, как богословие, метафизика и пр., — писал Герцен в работе «К старому товарищу». — В известной научной сфере они осуждены, но вне ее академических стен они владеют всеми нравственными силами»**.

Доктрину анархизма («антигосударственного социализма») Бакунин представлял в своих публикациях как образец «полнейшего разрыва со всеми правительствами, со всеми видами буржуазной политики, не оставляя другого исхода, кроме социальной революции». Представителей теории научного социализма — называемой им еще «противоположной теорией государственных коммунистов и научного авторитета» — он приравнивал к умеренным реформаторам. При этом теория и политическая позиция К. Маркса неправомерно сближалась с политико-социальной программой Ф. Лассалья — обе эти концепции были отнесены к категории так называемых доктринерских революционеров***.

Отношение Бакунина к теории научного социализма — типичный образец мелкобуржуазного недоверия к научной мысли и возможностям ее использования в деле революционного преобразования буржуазного общества и государства на социалистических началах.

* * *

Использование науки в условиях классового господства и эксплуатации не может быть правильно понятым без учета социальных и политических потребностей господствующего класса. Глубокий анализ такого использования науки при капитализме можно найти прежде всего в произведениях основоположников

* Бакунин М. А. Избр. соч. Т. 3. С. 12.

** Герцен А. И. Указ соч. С. 577.

*** Бакунин М. А. Избр. соч. Т. 1. С. 236.

научного социализма. Та взаимосвязь существования, а также использования науки с властью буржуазии и буржуазного государства, на которую обратил свой критический взор Бакунин, все же не получила у него вполне адекватного и убедительного отображения. Критике Бакунина недоставало более широкого подхода, в частности, анализа социально-классовых предпосылок появления и живучести научных и ненаучных концепций, особенностей распространения и восприятия науки в различных слоях и группах общества.

Современные мелкобуржуазные идеологи леворадикального толка, известные своей разоблачительной критикой некоторых тенденций, вызываемых государственно-монополистическим употреблением и злоупотреблением наукой, в какой-то мере являются преемниками воззрений Бакунина на роль науки. Достаточно назвать, к примеру, тему технократического злоупотребления наукой, потребительского к ней отношения или тему осуждения «большой науки» (так левые радикалы именуют научные круги, тесно связанные с правительством, армией и крупным бизнесом). Однако их критика нередко принимает уродливые формы, превращается в проповедь полного разочарования и нигилистического неверия в гуманитарные возможности науки.

Сегодня, как и в прошлом, социальные и политические противоречия капитализма делают неизбежным взаимную отчужденность научно-технического и общегуманитарного знания. Вот почему пристрастный и широкий интерес к роли науки в буржуазном обществе и ее влиянию на перспективы борьбы за новый, более гуманный общественный строй не ослабевает и в наши дни.

* * *

В своей политической концепции Бакунин так и не вышел из пределов утопии, из своего рода стремления к недостижимому. «Те же причины, которые побуждают людей в минуты отчаяния искать утешения в религии, — писал Жак Дюкло¹ о причинах живучести идей анархизма, — приводят в периоды социального и политического кризиса к распространению утопических идей, распространяющихся с тем большей легкостью, что иным людям их осуществление кажется делом отнюдь не сложным.

Именно поэтому концепции анархистов живучи и вновь расцветают по мере того как увеличивается число людей, стремящихся к переменам, но остающихся в плену отсталых индивидуалистических идей, которые они наследуют от старого общества, хотя и чувствуют более или менее смутно, что это общество уже отжи-

ло свой век. Очевидно, что борьбу против этих идей необходимо продолжать»*.

Судьба Бакунина как теоретика анархизма и как самоотверженного революционера поучительна в двух совершенно различных отношениях. Несоответствие выдвигаемых задач конкретно-историческим условиям повлекло за собой превращение политических идей и взглядов Бакунина в несбыточные иллюзии, беспомощные перед реальными политическими проблемами рабочего движения. В то же время память о Бакунине-революционере почитается как память о человеке, который в меру своего понимания и сил неутомимо сражался против царского самодержавия в России и всевластия капитала в Западной Европе².

* Дюкло Ж. Бакунин и Маркс. Тень и свет. М., 1975. С. 260.